
Л. В. МАРКОВА

ДОЛЕВОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РОДОПСКОМ КРАЕ БОЛГАРИИ

(XIX—первая четверть XX в.)

Принято считать, что повсюду в Болгарии, да и на всем Балканском полуострове, пахотные земли крестьян издавна находились в их наследственном владении и не подвергались никаким переделам.

Во время полевой работы в 1956, 1959 и 1961 гг. в Родопском крае Болгарии на территории Смолянского округа автором настоящей статьи были собраны материалы о своеобразном виде землевладения, когда земля принадлежала коллективу собственников, объединение которых носило характер соседского. Каждая самостоятельная семья владела здесь так называемой идеальной долей, т. е. пользовалась участком, место которого не было постоянным и периодически могло меняться. Эта форма землевладения существовала в части селений до начала XX в., а в пережиточной форме местами сохранялась и в период между двумя мировыми войнами.

Литература по данному вопросу очень невелика. Первым особенно-сти землевладения в Родобах заметил болгарский исследователь этого края Васил Дечев. Его работы носят описательный характер. Он отмечает разделение земли на идеальные доли, приводит ценные материалы об истории освоения земель¹. Но, не занявшись этим вопросом специально, Дечев пропустил такую важную подробность, как периодическое перераспределение земли — быть может потому, что он обследовал лишь часть родопских сел, в которых это явление получило очень слабое развитие и в течение XIX в. исчезло.

О долеом землевладении в Родобах упоминалось в болгарской прессе в 1920—1930-е гг., когда происходила перерегистрация земель и дебатировался вопрос о пользовании лесами. Однако этот факт не привлек внимания ученых.

Нам представляется, что хотя долеое землевладение и не получило в Болгарии широкого распространения, оно заслуживает подробного рассмотрения. Это интересно и для раскрытия особенностей аграрных и общественных отношений в Родопском крае — одной из наиболее колоритных этнографических областей Болгарии — и может представить в какой-то мере теоретический интерес.

Родопский край — это горная область, лежащая у южных границ Болгарии. Население здесь по преимуществу болгарское; по вероиспо-

¹ В. Дечев, Иглолистните гори в Рупчос и новият закон за тях, «Родопски напредък», година II, кн. X, 1904; его же, Миналото на Чепеларе, кн. I, София, 1928.

веданию болгары разделяются на христиан и мусульман. Предки болгар-мусульман были насильственно обращены в ислам турецкими завоевателями, главным образом в XVI—XVII вв. Христиане и мусульмане живут отдельными или смешанными селами. В быту и обычаях у них много общего, так как по происхождению это единая этнографическая группа, но у мусульман сохранился более старый пласт культуры и более старинный диалект.

Основным занятием родопского населения до XIX в. было скотоводство. Во второй половине XVIII и в XIX в. существенное значение в экономике приобрели ремесла. Занятие ремеслом было связано с отходничеством. Земледелие играло в хозяйстве сравнительно небольшую роль, особенно до XVIII в. Этому можно найти двоякое объяснение: во-первых, неблагоприятные природные условия для выращивания зерновых культур и овощей в сочетании с примитивной сельскохозяйственной техникой и, во-вторых, недостаток земли, так как болгары имели право использовать лишь площади в непосредственной близости от своих поселений. Земля в Родопах принадлежала к категории вакуфных имуществ и была отдана во владение юрюкам — турецкому скотоводческому племени².

Юрюки вели кочевой образ жизни, летом пригоняя свои стада в Родопские горы и зимую с ними на равнине у Эгейского моря. Но с начала XVIII в. юрюки начали постепенно оседать на Эгейском побережье, а пастбища свои в Родопах стали распродавать местным жителям. Как явствует из турецких земельных актов конца XVIII — начала XIX в., право владения вакуфным имуществом в это время на практике наследовалось и продавалось — с условием, что к новым владельцам переходила обязанность нести повинности в пользу вакфа³.

Выкуп земель у юрюков происходил постепенно, местность за местностью, в течение XVIII—XIX вв.; последние юрюкские «роды» покинули Родопы после войны 1912 г. Выкупленные земли составили основной земельный фонд местного населения.

Юрюки продавали землю большими массивами (пастбищами). Обычно всяким пастбищем владело несколько семей, по-видимому, «родовое» подразделение, так как юрюкское общество имело родо-племенную структуру. Пастбища внутри «рода» делились между семьями на идеальные, т. е. не разграниченные по месту, части⁴.

Болгары покупали землю чаще всего коллективно. Совместно купленную землю разделяли на идеальные доли, которые затем распределяли между участниками покупки пропорционально вложенным средствам. В общем массиве земли определяли места для пашни, для пастбища, для лесосеки и пр. Каждый из совладельцев получал свой пай во всех этих местах⁵. Эта система землевладения фиксировалась в купчих грамотах, но практическое пользование землей тут же видоизменилось под влиянием болгарского обычного права.

Лесом и пастбищем крестьяне всех родопских сел стали пользоваться без ограничений, невзирая на количество долей, которые имел в них

² Точнее, юрюки обитали в Средних и Западных Родопах, см. сб. «Из миналото на българите мохамедани в Родопите», София, 1958, стр. 62.

³ Н. Хайтов, Село Яврово (Асеновградско), София, 1958, стр. 94—95 и 238—241.

⁴ В. Дечев, Миналото, на Чепеларе, I, стр. 117—235; Полевые записи автора, Архив Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, фонд «Научные командировки за границу» (далее НКЗ), ед. хр. 2-а, стр. 50, 53, 64, 69 и др.

⁵ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 7, тетрадь, № 4, стр. 57.

каждый⁶. Иными словами, угодья по старой традиции перешли в общинное пользование, хотя они были куплены частными лицами, притом не всегда в равных долях. Мало того, тем крестьянам, которые не участвовали в покупке того или иного участка леса и пастбища, разрешалось пользоваться ими наравне с другими. Попытки отдельных лиц (впрочем, редкие) заявить права частной собственности на такие угодья вызывали негодование большинства односельчан, и обычно прежний порядок восстанавливался⁷. Мест для выгона скота было в избытке, пастбища в аренду на сторону не сдавались, лес для продажи не рубили, поэтому общинное пользование угодьями до поры до времени не вызывало серьезных противоречий внутри сельского общества. Только приблизительно в конце XIX — начале XX в., когда появилась возможность капиталистической эксплуатации угодий, стали учитывать и размеры долей каждой семьи (однако не всюду и не всегда строго).

Пользование пахотными землями и лугами претерпело иную эволюцию. В большей части родопских сел освоенные участки земли⁸ закреплялись за семьями, которые их обрабатывали, навечно. Для земель этого рода такая форма владения была обычной, она была повсеместно распространена в Болгарии, а в Родопях существовала на так называемых «старых», или «сельских», землях, которые болгары имели до выкупа ими юрюкских пастбищ. Но процесс закрепления долей происходил постепенно, как это видно, например, из материалов В. Дечева.

В 1760-е годы группа жителей села Чепеларе выкупила $\frac{5}{6}$ планины Муржовской. Из этой земли они выделили приусадебные участки. В конце XVIII в. явился покупатель оставшейся части планины, которому определили одну шестую «от нив, лесов и пастбищ», не включив в расчет приусадебные участки⁹. Ясно, что продаваемая часть не была отделена границами от других частей. Размер каждой из шести частей после вычета приусадебной земли уменьшился, но это не представлялось существенным, так как счет велся частями целого, а не мерой площади. Но полвека спустя при продаже части планины Кесарицы уже поставили условие: «чтобы не было путаницы и ссор», предварительно отделить эту часть от других¹⁰. Однако переделы долей при некоторых обстоятельствах еще производились до середины XIX века — следовательно, подворное землевладение и тогда еще не вполне установилось (см. ниже). Измерение земли долями некоторое время после ее покупки сохранялось в селах Яврово, Славеино и др.

В части родопских сел идеальные доли в пашне и лугах остались до XX века. Они закреплялись за семьями лишь на определенный период времени, а затем переделывались, при этом старые межи уничтожались и проводились новые. Переделы сводились к перераспределению места, но не размеров участков. Такой порядок существовал в мусульманских селах Триград, Ягодина, Борино, Змеица, Кестен, Мугла, Косыка, Буйново, Доспат, Сырница, сходная система землепользования сохранялась в некоторых местностях, принадлежавших христианскому селу Славеино.

⁶ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 7, тетрадь № 3, стр. 62.

⁷ В. Дечев, Миналото на Чепеларе, кн. I, стр. 236—237; Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 2-а, стр. 64, 69 и др.

⁸ Луга относились к этой категории потому, что их удобряли, выгоняя на них для этой цели скот.

⁹ В. Дечев, Миналото на Чепеларе, кн. I, стр. 117. По официальному и обычному праву приусадебные участки являлись полной частной собственностью, не подведомственной общине.—Л. М.

¹⁰ Там же, стр. 235—236.

но¹¹. Эти селения (за исключением Славеино) заметно отставали в своем социально-экономическом развитии от многих других родопских сел, сохраняя больше пережитков в общественном быту, так как были расположены на территории, до 1913 г. находившейся в составе Турции¹².

Материалы о долевом землевладении, собранные во время полевой работы в селах Триград и Мугла, подтверждаются письменными источниками. У жителей этих сел сохранились документы, оформляющие право владения землей, которые выдавались турецкими властями. Эти акты (сенеда) датируются временем от конца XVIII до начала XX в. Три из них были любезно подарены автору местными жителями и находятся сейчас в архиве Института этнографии АН СССР, с некоторых других сняты фотокопии. Кроме того, в селе Триград в наше распоряжение были предоставлены списки землевладельцев одной из местностей (Чаирите), где до 1912 г. имели доли многие жители села. Эти списки были составлены после очередного передела земли в 1904 или 1905 гг. (1322 год хиджры). Из них видно, как группировались крестьяне по землевладению, каким количеством долей владел каждый, и отмечены изменения в землевладении, которые произошли в период между двумя переделами.

Интересно отметить, во-первых, что счет земли во всех этих документах ведется на доли, а размер площади этих долей указан не всегда. Например: «одна из трех частей одной четверти от одной из шести частей нивы с яйлаком»¹³; во-вторых, границы этих долей не описываются, а указываются границы целой местности, где кроме данного собственника имеют землю и другие лица. Это можно объяснить тем, что частные доли не имели постоянных межей. В то же время в сенедах, выданных жителям тех сел, где определенные нивы и луга уже прочно закрепились за определенными семьями, указаны границы участков каждого собственника¹⁴. Наконец, в-третьих, из документов явствует, что земельные доли наследовались и отчуждались как обычное частное владение.

Долевое землевладение в родопских селах имело определенную структуру. Возьмем для примера местность Чаирите села Триград. Эта местность делилась на 16 крупных частей — «харманов» («харман» — букв. ток), которые в свою очередь разбивались на более мелкие доли. Продавалась же эта местность (в первой половине XIX в.) разделенной на 64 части, и это деление осталось в документах¹⁵. Почему же болгары перedelили ее на 16 долей? Предание говорит, что по числу ее первых покупателей. Но в конце XIX в. в каждом хармане обнаруживается группа совладельцев, среди которых отнюдь не все — потомки первых покупателей. То же самое наблюдается в других местностях села Триград и в прочих селах с долевым землевладением.

Ответ на этот вопрос может дать история выкупа земель вокруг села Чепеларе, которую подробно записал В. Дечев еще по свежим воспоминаниям местных жителей. Кроме того, он имел в руках и до-

¹¹ Автор не имел возможности обследовать все села в Средних и Западных Родопях, поэтому приводимые сведения о распространении долевого землевладения, возможно, не являются полными.

¹² См. Хр. Христов, Положението на родопското население след освобождението и въпросът за така наречените «непокорни» българо-мохамедански села, Сб. «Из миналото на българите мохамедани в Родопите», стр. 116—117.

¹³ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд «Обобщающие научные материалы» (далее ОНМ), ед. хр. 115.

¹⁴ См., напр. Н. Хайтов, Указ. раб., стр. 238—241.

¹⁵ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд ОНМ, ед. хр. 114.

кументы, оформляющие права владения на купленную землю, которые он публикует в своей книге¹⁶.

Выкуп юрюкских земель в селе Чепеларе начался с 1762 года. В селе тогда жило всего три семьи болгар-христиан, которые предложили своим соседям из болгаро-мусульманского села Забордо совместно купить планину Хаджийцу и переселиться в Чепеларе. На это согласились сначала 10 семей, а 2—3 года спустя к ним присоединились еще три. Хаджийца была разделена на 16 «чопов» («чоп» по-болгарски жребий), по-видимому, поровну между всеми. Интересно отметить, что после переселения из Забордо трех новых семей был произведен передел долей¹⁷.

Четверть века спустя стала продаваться другая планина — Калфеница. Ею владели три юрюка и делили ее на 58 с половиной долей¹⁸. Вначале были проданы 48 долей, принадлежавших двум совладельцам. Судя по документам, их купили 3 христианских и 29 мусульманских семей. Большая часть семей приобрела по одной доле, некоторые по две-три, менее одной доли не получил (по документам) никто.

Через некоторое время были выкуплены и оставшиеся 10,5 долей. Кто из чепеларцев их купил — неизвестно, но после этого всю землю переделали на 16 долей, а каждую долю еще на 3 части. Иными словами, установили то же деление, что и в Хаджийце, а с другой стороны, оставили те же 48 долей (16×3), что были раньше. Но так как земли прибавилось, размеры долей после передела увеличились. Любопытно, что соотношение долей между христианами и мусульманами здесь то же, что и в Хаджийце — 3 : 13. Однако если четверть века назад количество долей соответствовало числу семей, проживавших в селе, то в данном случае этого соответствия уже нет: в документе значатся 3 христианских и 29 мусульманских семей, но в то же время известно, что в 1753 г. в селе было по меньшей мере 8 христианских семей¹⁹. Дечев допускает возможность того, что в купчих грамотах за одним именем скрывалось несколько совладельцев. «Не выяснено, — пишет он об одном зажиточном крестьянине, — выкупил ли Калин-кехая три части за свой собственный счет или также и за счет других чепеларских жителей-христиан»²⁰. Почему сомневался Дечев, можно понять из истории выкупа других планин.

В 1760-е годы тот же Калин-кехая и его сыновья Раю и Муржо, жившие отдельно от отца, купили планину, названную впоследствии Муржовской. Но другие жители села, особенно представители старожильческого «рода» Белювцев и болгары-мусульмане одного из кварталов села, подняли шум, требуя, «чтобы и им дали доли»²¹. «Калин-кехая и Муржо, — пишет Дечев, — были склонны сделать планину сельской, но Раю не желал, чтобы в дело вмешались мусульмане. После просьб, уговоров и волнений Раю уступил бесплатно Белювцам под нивы и левяды полосу, проходящую от гребня Чукаря между Большой рекой и Самурской и Илыковыми низинами. Христиане удовлетворились этой уступкой и умиротворились, мусульмане же продолжали роптать, но так и не смогли ничего добиться»²².

¹⁶ В. Дечев, Миналото на Чепеларе, кн. I.

¹⁷ Там же, стр. 64—65.

¹⁸ Дробное деление этой планины объясняется тем, что другая часть Калфеницы лежала в пределах «землища» села Широка Лыка, по другую сторону от гребня хребта.

¹⁹ В. Дечев, Миналото на Чепеларе, кн. I, стр. 66, 96—97.

²⁰ Там же, стр. 107—108; кехая — глава пастушьей артели.

²¹ Там же, стр. 110.

²² Там же; «сельской» называется земля, которой имеют право пользоваться все жители села (синоним «общинной»).

Из этого отрывка видно, что существовал общинный обычай, дающий право всем жителям села владеть землей в его пределах, но он нарушался деревенскими богатеями. Мы видим также, что число совладельцев в Муржовской планине увеличилось, но в земельном акте, изданном до урегулирования этого дела, стоят только три имени: Калин, Раю и Муржо²³.

В выкупе планин Боклуджа, Кепенек и Окманица в первой четверти XIX в. приняли участие почти все чепеларцы, и «доли были распределены до некоторой степени справедливо, потому что никому не было позволено выкупить большую часть»²⁴. Были собраны деньги и на покупку лучшей в окрестностях планины Кара-балкан. Но один из участников покупки богатый помак Кара-Ибрахим, близкий к турецким властям, выправил обманным путем документ на свое имя. Он предложил считать это формальностью, уверяя, что другие совладельцы смогут пользоваться купленной им землей. Но так как пайщики находили такое положение вещей ненормальным, он вернул им деньги и остался единственным владельцем планины²⁵.

Около 1840-х гг. три семьи Белювцев тайно купили местность Пираговское. Небольшую ее часть они уступили пяти братьям из другой родственной группы. «Эта сделка прошла бы без ропота и споров, — пишет Дечев, — но покупатели поступили нетактично. Как только они вступили во владение Пираговским, они прогнали сельский скот с пастбища и запретили крестьянам пользоваться лесом. Этот поступок озлобил крестьян...» Собрали сходку и объявили планину «сельской». «После этого взяли веревки, топоры и мотыги и отправились на планину делить ее на мелкие доли (чопы)... Произошла и небольшая драка... Покупатели бежали в село, а мерщики разделили неразработанные и разработанные земли в Пираговском на 74 чопа (доли), а каждый чоп на четверти»²⁶. Во владение этой землей вступило более 200 человек. Деньги за отнятую землю они возвратили Белювцам.

Перед нами острая борьба за землю, в которой сталкиваются два принципа владения ею: общинный и частный. Перевес бывает то на одной, то на другой стороне. Когда одерживает верх общинный обычай, новые лица (обычно это переселенцы) включаются в состав прежних дольщиков. Но в обществе, где земля является предметом купли-продажи, равноправие членов общины ограничивается правом покупки равного количества земли, безвозмездного распределения ее не существует; равным образом те, у кого изымаются излишки земли, компенсируются из средств, внесенных новыми дольщиками. Так своеобразно уживаются вместе общинная и частная формы собственности, оказывая воздействие одна на другую.

Возвращаясь к поставленному нами вопросу, мы можем предположить, что одной из причин расширения круга дольщиков в харманах Триграда и других сел было осуществление того общинного права выкупа земли, о котором только что говорилось.

Дольщики каждой местности подчинялись принудительному севообороту. В свою очередь, севооборот этих местностей согласовывался с общесельским с той целью, чтобы деревенское стадо не портило посевов и равномерно унавоживало поля²⁷. Севооборот устанавливали в зависимости от качества земли, принятый порядок становился традицией.

²³ В. Дечев, *Миналото на Чепеларе*, кн. I, стр. 109—110.

²⁴ Там же, стр. 166.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 236—237.

²⁷ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 7, тетрадь № 3, стр. 60, 91.

В местности Чаирите, например, землю делили на 2 «сюрюма» (кона), здесь была двухпольная система с паром, а менее плодородную местность Хаджиларе делили на 3 «сюрюма», давая земле отдыхать два года.

Земля периодически перераспределялась между собственниками. Сроки переделов были различными. Они постепенно удлинялись в процессе разрушения общинных традиций и укрепления частнособственных интересов. Интервалы между переделами зависели и от севооборота. Так местные жители объясняют, например, разницу в сроках переделов в планинах Чаирите и Хаджиларе (12—15 лет и 20—25 лет)²⁸. Это могло зависеть и от других обстоятельств, которые выяснить пока не удалось. Наиболее короткие сроки переделов полей (2—4 года вплоть до 1938 г.) выявлены нами в местности Смаилско села Мугла.

В селе Доспат до начала 1950-х гг. (перед коллективизацией) сохранялся обычай ежегодно по жребию распределять делянки лугов. Важным рубежом в разрушении традиционных обычаев землепользования явилась война 1912 года, в связи с которой произошли значительные перемещения населения. В тех селах, где состав населения изменился (Триград, Мугла и др.), порвались и прежние связи по земле. В период между двумя мировыми войнами переделы сохранялись в редких местах, иногда переразверстка земли вызывалась серьезными межевными спорами (передел в 1935 г. в местности Чаирите происходил уже с участием чиновника министерства земледелия).

Причину переделов местные жители объясняют просто. У юрюков была куплена нераспаханная земля, говорят они, качество которой определить было трудно. Поэтому и договорились время от времени переделывать землю, чтобы справедливость в ее распределении не нарушалась²⁹. Прецедентом для передела раньше установленного срока могло быть заметное улучшение качества земли на каком-либо участке (после интенсивного его удобрения). Здесь нашло своеобразное выражение старинное обычное право, широко распространенное по всей Болгарии — равномерное распределение земли по качеству во время семейных разделов, при наделении земель переселенцев, при разделе сообща расчищенной земли, пожарищ и пр.

Интересно отметить, что на языке местного населения передел называется «делба», что переводится — «раздел»³⁰. Этим же словом обозначаются и собственно разделы земли (семейные и пр.).

Рассмотрение порядка переделов земли дает возможность увидеть подробности структуры долевого землевладения, а также некоторые особенности общественных отношений в селах, о которых идет речь.

Переделом ведали мерщики («делачи», «деличеры»), избранные владельцами долей данной местности. Могли быть в их числе и лица, не имевшие на этой земле своей доли. Из их среды выбирался ответственный, которому доверялось наиболее важное дело — установление межей. «Делачи» являлись также примирительным органом в случае возникновения межевых споров.

Землю делили с помощью веревки — способ, обычный в прошлом для многих народов, в том числе и славянских. Однако подробно способ этот известен мало, что затрудняет понимание некоторых мест письмен-

²⁸ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 7, тетрадь № 4, стр. 66, 77, 78. У северных великорусов сроки переделов также согласовывались с севооборотом. См. М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939, стр. 146.

²⁹ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 7, тетрадь № 3, стр. 83.

³⁰ «Делба» — разделение наследства и прибыли, урожая и т. п., «Български тълковен речник», София, стр. 118.

ных источников. Тем интереснее описать его по свежим воспоминаниям наших современников.

Длина веревки у родопских болгар была произвольной. Определяли сначала, сколько веревок уложится в данной местности (по ее длине), потом делили число веревок на количество харманов и таким образом определяли величину одного хармана. Затем, идя слева направо, отмеряли соответствующее число веревок, делали на земле отметку и проводили через нее перпендикулярную линию. Таким же путем отмеряли другой харман, третий и т. д.

Отмеренные харманы распределялись по жребию. Жребий тянули чоп-сайбии (буквально «хозяин жребия», доли) — представители совладельцев каждого хармана. Затем происходил раздел земли внутри харманов: по жребию определялся порядок полос и веревкой слева направо отмеряли участки разного размера — соответственно доле каждого хозяина. Тут уже жребии тянули главы семей.

Как видим, меры площади как таковой не было, ее заменяла мера длины, притом условная, так как веревка каждый раз бралась произвольной величины. Поэтому в разных местностях харманы по площади были неодинаковыми³¹. Мало того, мерили только ширину полос, и если участок не имел формы правильного прямоугольника (что в горах было делом обычным) и отрезаемые полосы оказывались разной длины, то на это не обращали внимания³².

Пользовались и другими определителями меры долей. Очень распространенной мерой были «гроши», т. е. эквивалентом площади земли была ее стоимость. В селах Триград и Гела землю мерили не только грошами, но и количеством овец, которыми заплатили за землю³³. В с. Доспат харманы, измеряемые веревкой, делились на доли («хиссе»), измеряемые грошами, а те, в свою очередь, для удобства раздробления условно приравнивались к мере тяжести «окё», состоявшей из 400 драхем³⁴. Получалась следующая схема деления земли на доли:

планина
↓
харман
↓
хиссе
↓
драхем

Все эти меры относительны. Но при долевом землевладении более существенна относительная, а не абсолютная мера, так как всякий хозяин владеет определенной частью целого, выразить которую можно в любой мере.

Логически понятно также и право всех дольщиков на землю, освоенную одним из них: изменялось целое — земельный участок, которым владели сообща несколько лиц, следовало изменить и его части. В с. Мугла, например, поводом для передела земли в 1932 г. в местности Смаилско послужило то, что один из крестьян распахал унавоженный участок целины. «Овцы лежали на одном месте нераспаханной земли, — рассказал один из наших информаторов. — Касым распахал эту землю и засеял. Имел он в Смаилско малую долю, и люди возму-

³¹ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 2-а, стр. 63.

³² Сходный способ измерения земли описан у крымских татар в начале XIX в. См. М. М. Ковалевский, Разбор книги Ф. Лашкова «Исторический очерк крымско-татарского землевладения», Харьков, 1901, стр. 26.

³³ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 2-а, стр. 61; ед. хр. 7, тетрадь, № 4, стр. 79.

³⁴ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 7, тетрадь № 4, стр. 97.

тились. Включили эту землю в общую, отбросили камни, которые отмечали старые межи, и разделили веревками новые доли. Распределили их по жребию»³⁵.

Изменять границы частных участков в период между двумя переделами не полагалось, и если происходила продажа какой-то доли, то продавец и покупатель договаривались между собой о пользовании землей, но только очередной передел окончательно закреплял их сделку. Бывали случаи, когда продаваемый участок был так мал, что разделить его было трудно, тогда делили урожай.

Структура землевладения отличалась устойчивостью. Первоначальные доли, установленные первыми покупателями, долго сохранялись, несмотря на увеличение числа совладельцев. Поэтому для измерения раздробившихся долей придумывали новые меры (см. стр. 76) или выражали их в очень дробных старых (стр. 72).

Архаичность формы долевого землевладения в Родопях очевидна. Тем не менее эта своеобразная форма общинной собственности оказалась достаточно гибкой, чтобы приспособиться в XIX — начале XX в. к соответствующим экономическим условиям.

Земельные доли продавались, покупались и наследовались в общем не менее свободно, чем крестьянские наделы в других районах страны. Процесс концентрации земли хорошо виден из «веревных» списков местности Чаирите, в которых указано, кто, у кого и сколько земли купил в период между двумя переделами. Покупателей значительно меньше, чем продающих, и в результате число совладельцев в харманах уменьшается³⁶ иногда до половины и более (см. таблицу).

Харманы	Число семей в одном хармане во время передела в начале 1890-х гг.	Число семей в одном хармане во время передела в 1904/05 гг.
1	примерно 12 семей (часть документа порвана)	примерно 10 семей
2	определить трудно, так	как часть листа порвана
3	4	4
4	18	9
5	11	7
6	9	11
7	не менее 13	8
8	9	8
9	10	7
10	11	10
11	11	6
12	12	7
13	13	11
14	7	6
15	17	7
16	12	6

Примечание: Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд ОНМ, ед. хр. 117.

Прежде у новых семей была возможность получить землю, и по мере разрастания сел число дольщиков увеличивалось; в конце XIX — начале XX в. наблюдается обратное, крестьяне разоряются, общинные традиции заметно глохнут.

³⁵ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 8, тетрадь № 1, стр. 42; см. там же, ед. хр. 7, тетрадь № 4, стр. 70, 76.

³⁶ Исключение составляет 6-й харман, где появились новые дольщики, купившие здесь землю (обычно же землю покупали соседи).

Имущественное неравенство в рассматриваемый период было очень велико, о более или менее равномерном распределении долей говорить не приходится. В каждом хармане местности Чаирите выделяются состоятельные семьи, владеющие от четверти до трех четвертей всей земли. Так, в 3-м хармане 180 грошей из 240 принадлежали имаму и его наследникам, жившим, очевидно, одним домом; в 11-м хармане братья Халиловы имели 140 грошей; в 14-м братья Асановы Мугленские владели 120 грошами; в 12 и 13-м харманах выделяются наделы хаджи Ахмеда (60 и 77 грошей), в 4-м хармане — хаджи Афуза (66 грошей)³⁷ и т. д.

Среди богатых семей много задруг. Большие семьи вообще в Родопях были широко распространены до начала XX в., в особенности у болгар-мусульман, в среде которых сильнее проявлялись патриархальные пережитки. Об этом говорят многочисленные заявления местных жителей, архивные данные³⁸, а также сохранившиеся местами основания жилищ больших семей. Если взять «веревные» списки известной нам местности Чаирите, то в них мы найдем довольно много домохозяйств, которые по их именам можно определить как задруги: «братья Халиловы», «Мусерли, Хасан и Салих», «Малковы», «наследники Бел-Салоха», фамилии с характерным окончанием на «ци», имеющим собирательное значение для группы родственников, и т. д. Таких семей в каждом хармане 2—3 (из 7—10 семей в среднем). Как правило, это семьи неразделенных братьев. Кроме них за некоторыми именами, судя по нашим полевым данным, должны скрываться большие патриархальные семьи, возглавляемые дедом или прадедом.

Чересполосица, вообще характерная для землевладения болгар и других балканских народов, в Родопях была очень сильна. Многие семьи имели землю в разных планинах, так как они выкупались в разное время. Чересполосицу порождало также общинное право равномерного распределения земли по качеству. С течением времени благодаря наследованию, продаже, закладу и пр. операциям с землей нарушалась и первоначальная группировка семей по разным харманам, один хозяин мог иметь доли в двух-трех харманах одной и той же местности.

Для бедных и средних крестьян обработка мелких клочков земли, разбросанных на расстоянии нескольких километров в горах, была крайне трудоемкой. Богатые, имея крупные участки в разных планинах, завладевали командным положением среди разных групп земельных собственников, приобретали огромное влияние на общественную жизнь всей деревни. Так, в с. Триград в конце XIX — начале XX вв. выделялись своим богатством и влиянием братья Халиловы (Халилаговские). Они долгое время жили одной семьей. Братья имели землю в пяти местностях, владея от $\frac{1}{4}$ до половины площади каждой³⁹.

Чоп-сайбии, играющие важную роль в переделах, избирались обычно из зажиточных крестьян.

Правило пускать в передел вновь освоенные участки оборачивалось против бедняков, которым нелегко было добыть денег на покупку нивы. А общинное право на свободную разработку целины попиралось правом частной собственности: ведь угодья-то были куплены! И чорбаджия (кулак) Хасан Халилаговский изгоняет две бедные семьи из местности Хаджиларе, где они, не имея там долей, осмелились расчистить участок леса под пашню. Но любопытно, что «нарушители» были

³⁷ Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд ОНМ, ед. хр. 117.

³⁸ Пловдивски окръжен архив, ф. 52, оп. 1, № 169; Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 2-а, стр. 57; там же, ед. хр. 7, тетрадь № 4, стр. 58, 64, 80; там же, ед. хр. 8, тетрадь № 1, стр. 16, 17.

³⁹ Там же, ед. хр. 7, тетрадь № 4, стр. 76, 79.

изгнаны только во время очередного передела. Им пришлось перейти в более отдаленную местность Кожаре, где им уже никто не препятствовал, потому что «там далеко, и у чорбаджия там не было интереса»⁴⁰.

Переделы земли задерживали процесс интенсификации земледелия. Зажиточные первыми стали ломать традицию, начали придерживаться крупные доли, не пуская их в передел.

К концу XIX в. наблюдаются изменения в пользовании угодьями. Долящики некоторых местностей начинают сдавать в аренду свои пастбища жителям других сел, и тогда доход распределяется соответственно количеству идеальных долей каждого хозяина. Тот же принцип кладется и в основу эксплуатации леса: для продажи его разрешается рубить только в пределах размеров долей каждого⁴¹. Но в пользовании пастбищами и лесом для собственных нужд ограничения возникают позднее и не повсеместно. В начале XX в. в с. Триград был определен максимум количества овец, которых можно было пасти на определенной доле земли, и малоземельные крестьяне доплачивали более состоятельным за пользование пастбищем⁴². Это род аренды земли. В селах Мугла, Славеино долящики некоторых местностей не разрешали пасти скот другим крестьянам своего села, но сами пользовались пастбищем и лесом без ограничений и в XX в.

В 1930-е гг. в Болгарии был серьезно поставлен вопрос об упорядочении пользования лесами. В печати долгое время обсуждался вопрос, как бороться с бесконтрольной рубкой леса; авторы ряда статей, посвященных Родопам, жаловались на неразвитое в народе понятие собственности на угодья. Было предложено составить из собственников долей кооперативы, которые эксплуатировали бы лес под надзором лесничеств и доходы распределяли бы пропорционально долям. Кооперативы не получили большого развития.

Из приведенного материала вытекает следующее.

1. Долевое землевладение в Родопях сложилось в сравнительно позднее время (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) и в специфических условиях: на землях, выкупленных у юрюков.

2. До этого на так называемых «сельских», исконных землях родопчан существовала система общинного землевладения с закрепленными за семьями участками полей и лугов, переходящими по наследству, и общими угодьями — тип сельской общины, распространенный в Болгарии и у других балканских народов⁴³. Такие общинные отношения продолжали существовать на «старых» землях и после сложения долевого землевладения. Многие черты, присущие этой общине, перешли и в систему долевого землевладения, в частности, свободное пользование угодьями, право на выкуп земли для всех жителей села, право предпочтительной покупки земли, равное ее распределение по качеству и пр.

3. Периодические переделы земли являются наиболее интересной особенностью долевого землевладения, так как переделы не зафиксированы ни в других местах Болгарии, ни где-либо на Балканах.

⁴⁰ Там же, стр. 79.

⁴¹ Там же, ед. хр. 7, тетрадь № 3, стр. 61—62, 74; ср. тот же порядок у афганцев. Альменда племени гандапур делилась на 36 дадди (долей), и в случае сдачи их в аренду каждый гандапурец имел право на часть дохода. См. И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954, стр. 147—149.

⁴² Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 2-а, стр. 53, 58, 61, 69, 74, 75, 97 и др.

⁴³ См. Л. В. Маркова, Сельская община у болгар в XIX в., «Славянский этнографический сборник», Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. LXII, М., 1960; М. С. Шареев, Сельская община у сербов в XIX — начале XX вв., там же.

4. Другая интересная особенность долевого землевладения состоит в том, что соответствующие отношения охватывали не все село целиком, а отдельные группы крестьян. Имея доли в разных местах, одни и те же лица могли быть членами нескольких «долевых общин», и в то же время все группы дольщиков были связаны между собой общесельскими распорядками землепользования, не говоря о сельском самоуправлении и прочих проявлениях деревенской общественной жизни.

5. «Долевые общины» складывались как соседские объединения, с самого начала в большинстве случаев их членами были семьи, не связанные родственными узами.

Возникает вопрос: являются ли родопские «долевые общины» лишь образованием, возникшим в специфических обстоятельствах, или же корни этой формы землевладения надо искать в каких-то традиционных общественно-экономических институтах болгар?

Прежде всего следует отметить, что предпосылкой, или благоприятной почвой для складывания формы долевого землевладения, несомненно, была не вполне развитая, ограничиваемая общиной, частная собственность на обрабатываемую землю при коллективной (общинной) собственности на угоды⁴⁴.

Более частные и более близкие по характеру предшествующие формы до сих пор не обнаружены. Не исключено, что причина этому — слабая изученность аграрных отношений в Болгарии до XVIII века: в распоряжении ученых пока еще очень общие сведения по землевладению. Но интересен следующий факт: в период со второй половины XIX — по первую треть XX века (более ранних данных у нас нет) засвидетельствовано разделение земли на идеальные доли в коллективных владениях родственных семей⁴⁵. На таких началах, например, в селе Чепеларе владели планиной Кара-балкан потомки ее первого собственника (см. стр. 74). «Тапия и сейчас одна, на имя Кара-Ибрахима..., а дольщиков стало, может быть, 50 человек...», — пишет С. Н. Шишков⁴⁶. В документах, как видим, доленое землевладение не получило отражения, и это, вероятно, случай распространенный. По утверждению того же автора, «такие коллективные владения имеются во всех селах болгар-мусульман и болгар-христиан во всей Родопской области»⁴⁷, т. е. и в селах, где долевых соседских общин не было. Кроме того, на Балканах, и, в частности, в Болгарии хорошо известно совместное владение некоторыми видами недвижимого имущества (лугом, мельницей, сукновальней), которое делили между собственниками (обычно состоящими в родстве) на паи⁴⁸.

Можно предположить, что доленое землевладение было формой собственности патронимий, которые в более отдаленном прошлом были широко распространены у болгар. Такая форма собственности естественно вытекает из структуры и характера родственного объединения, как это видно на примере других народов. Обратимся поэтому к историческим аналогиям.

Тот тип землевладения, когда семейный участок является не самостоятельным владением, а частью (долей) собственности какого-то коллектива, известен еще в сравнительно недавнем прошлом у целого

⁴⁴ См. Л. В. Маркова, Указ. раб.

⁴⁵ С. Н. Шишков, Българо-мохамеданите (помаци), Пловдив, 1936; Полевые записи автора, Архив ИЭ, фонд НКЗ, ед. хр. 8, тетрадь № 1, стр. 9, 11.

⁴⁶ С. Н. Шишков, Указ. раб., стр. 100.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См. А. Додов, Задруга и съсобственност, «Списание на Българското икономическо дружество в София», год II, кн. X, 1905; С. Бобчев, Сборник на българските юридически обичаи, ч. I, отд. II, III и IV, София, 1902, стр. 38—43.

ряда народов. Он засвидетельствован, например, у русских северных губерний и у украинцев в XVI—XVII вв., у белорусов в XVII—XVIII вв., у афганцев в XVIII—XIX вв., у туркмен в XIX в., у крымских татар в XVIII—XIX вв., его отмечает Энгельс в XIX в. в Мозеле (так называемый *Gehöfferschaffen*) и в Баварском Пфальце (*Loosgütern*), и т. п.⁴⁹

Одинаковая форма землевладения у этих разных, часто не связанных между собой народов сочетается со сходной общественной структурой, что представляется весьма существенным. Это сходство, нам думается, состоит в сохранении «родовых» пережитков: патронимий, часто состоящих из больших семей, или «родоплеменных» подразделений. Так, у восточных славян владельцами земли, разделенной на доли, были патронимии; у туркмен «роды» считались собственниками земли, а отдельные семьи получали участки по жребию то в одном, то в другом месте⁵⁰ и т. д.

Разделение земли на идеальные доли дает возможность одновременно выразить и коллективную собственность на землю всей родственной группы, и частную собственность отдельных семей; каждая из них неполная и ограничивает одна другую.

Из всех перечисленных народов только афганцы совершали уравнительные подушечные переделы, да и то не все их племена. Другие же, как и болгары в Родопах, знали лишь переделы по месту, а размеры частных участков изменению не подлежали.

Уже многие исследователи пришли к справедливому выводу, что в классовом обществе внутри родственных групп кровные связи отступают на задний план соседскими, что первые — лишь одна из форм вторых и, наоборот, вторые — необходимое условие для сохранения первых. Включение в состав родственных групп не родственников в целях кооперации труда или по другим причинам могло происходить поэтому довольно естественно. Так, например, возникало «складничество» на русском Севере⁵¹. Но складники объединялись по подобию «печища» (патронимии), сохраняя и его форму собственности. Думается, что длительное удерживание традиции именно в форме «родовых» пережитков — одно из главных их проявлений и у других народов. Очень интересна в этом отношении хорватская «вервь» XV—XVII вв., которая фигурирует в Полицком статуте.

О «верви» — некоей группе семей, составляющей структурную особенность Полицкой соседской общины, ведется много споров. Одни ученые считают ее чисто родственным коллективом, другие настаивают на том, что членов верви связывало соседство, третьи (и сторонников этого мнения становится все больше) видят в верви своеобразную общину, которую связывают как родственные, так и соседские отношения⁵². Наиболее отчетливо это мнение выражено М. М. Фрейденбергом: вервь была патронимией, но одновременно «вервных братьев» свя-

⁴⁹ М. О. Косвен, Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дво-рище, «Сов. этнография», 1950, № 2; И. М. Рейснер, Указ. раб.; Я. Таиров, Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области, II, СПб., 1904; М. М. Ковалевский, Разбор книги Ф. Лашкова «Исторический очерк крымско-татарского землевладения»; Ф. Энгельс, Марка, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19.

⁵⁰ М. О. Косвен, Указ. раб.; А. Я. Ефименко, Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. Исследования народной жизни, М., 1884; Я. Таиров, Указ. раб.

⁵¹ См. А. Я. Ефименко, Указ. раб.

⁵² См., например, Ф. Леонтович, Вервь по Русской правде и Полицкому статуту, «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, апрель; Б. Д. Греков, Полица, Избранные труды, I, М., 1957; О. Mandić, Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj, «Historijski zbornik», V, 1952; M. Barada, Starohrvatska seoska zajednica, Zagreb, 1957; И. Божић, «Врвь» у полицком статуту, «Зборник философског факултета. Универзитет у Београду», кн. IV—I, Београд, 1957.

зывали такие отношения, которые принято считать атрибутом общины-марки⁵³. Единство этих разных явлений выражено, в частности, в двойном названии членов верви: они именуются то «вервными братьями», то «диониками», т. е. владельцами долей земли, пайщиками (от «дио» — доля).

Доли земли в Полице наследовались, продавались и покупались как частная собственность — и в то же время для всей верви не безразлична была судьба этих частных долей (Полицкий статут, ст. 80а, 62). Это приводит в недоумение многих авторов. Разные толкования вызывает ст. 59а, которая трактует о разделе общего леса в соответствии с какими-то порядками землепользования верви. Б. Д. Греков предполагал, что лес делился пропорционально количеству частной земли. Вглядываясь в несколько необычный характер землевладения в Полице, Греков считал возможным поставить вопрос о существовании там переделов земли. Но в итоге он признал, что полностью решить «сложную загадку о сущности верви» пока не удастся⁵⁴.

Если верно, что полицкая вервь — первоначально родственная группа (патронимия), которая к XV—XVII вв. приобрела черты территориального объединения, но сохранила при этом кровно-родственную форму, то можно предположить, что землевладение в ней было долевым. Тогда догадки Б. Д. Грекова кажутся более обоснованными и частная собственность на полевые участки, возможность их отчуждения — становятся логически совместимыми с переделами земли (по месту) и с заинтересованностью дольщиков в судьбе всей вервной земли.

Несомненно, потребуются дополнительные источники и основательные исследования для того, чтобы сказать об этом более определенно. Все же представляется, что в землевладении полицкой и родопской долевой общин много сходного. Но родопские общины — чисто соседские объединения, потерявшие видимую генетическую связь с союзами кровных родственников. Их возникновению предшествовал период, когда семьи были самостоятельными хозяйственными единицами, о чем говорит форма землевладения на «старых» землях. Но это были, как правило, большие семьи, которым был хорошо известен принцип деления имущества на доли и которые при неполных разделах сохраняли определенное материальное единство (см. свидетельство Ст. Шишкова). По-видимому, задруги, эти последние осколки родового быта, были хранительницами традиций долевого землевладения, благодаря чему могло сложиться то своеобразное «складничество», которое мы находим в Родопах в новое время.

Община с долевым землевладением изучалась мало, хотя она, по-видимому, была широко распространена в прошлом у разных народов. Связь ее с родовой и семейной представляется более близкой, чем у соседской общины с закрепленными участками полей. Можно ли ее назвать переходной формой, имея в виду известное положение Ковалевского — Энгельса о происхождении соседской общины из семейной, или же следует ее поставить в один ряд с другими формами соседской общины — вопрос, который еще ждет своего разрешения. Исследование пережитков такой общины дает для этого некоторый материал⁵⁵.

⁵³ М. М. Фрейденберг, «Вервь» в средневековой Хорватии, «Ученые записки Великолукского пединститута», вып. 15, 1961, стр. 37—38.

⁵⁴ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 164, 178.

⁵⁵ Приношу большую благодарность за содействие и помощь в моей полевой работе в Родопах руководству Этнографического института Болгарской Академии наук, сотрудникам института — А. Примовскому, Г. Данчеву и Л. Дукову, нашему проводнику и добровольному помощнику В. Калайджиеву, работникам Смолянского окружного комитета БКП и жителям сел, где я работала.

SUMMARY

In the second half of the 18th century and the first half of the 19th century, an original system of land holding emerged on the lands bought by the Rhodope Bulgarians from the Yuryuks (these lands made up the main arable in this part of Bulgaria). This system, which so far has not been traced anywhere else in the Balkans, persisted in one area of the Rhodopes until the beginning of the 20th century.

Groups of peasants held in common a certain tract of land, with every family having an «ideal» share in it — i. e., the holding of the plots was not permanently fixed and their owners changed as a result of regular reallocation of the land through sortition. The amount of land owned was not subject to equalization. The shares could be sold, bought and inherited. The principle of holding a share (part) of communal land was reflected in the fact that it was measured with the help of special measures showing fractions of the whole, and not the actual amount of land.

Historical parallels and some other data warrant the hypothesis that the emergence of «share» land holding was promoted by an older tradition of land holding by patriarchal families, and lead us to the conclusion that this tradition was possibly more widespread in the past.